

УДК 316.28

**ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГНОСЕОЛОГИИ
И СОВРЕМЕННОМ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ***Э.А. Тайсина***Аннотация**

Сердцевинная для любой теории познания проблема истины и её критериев ставилась по-разному, получая, соответственно, неодинаковые трактовки в различных философских учениях. Существует реальная возможность прийти к общему решению проблемы истины в формате нового философского направления – экзистенциального материализма. Поиску этого решения посвящена настоящая статья. Для этого исследуются классические философские тексты и основные предикаты истины, такие как адекватность, подобие и сходство.

Ключевые слова: познание, истина, действительность, адекватность, подобие, экзистенциальный материализм, Джон Локк, «Опыт о человеческом разумении».

Оттеснённая на периферию философских интересов временем постмодернизма классическая гносеология вместе с уходом этого времени в историю переживает закономерно наступивший неоренессанс. Это необходимость, и она вызвана неправомерным размыванием в последние десятилетия фундаментальных философских категорий – субъекта, средства и объекта познания, подменной «познания» «пониманием», общим кантианским культурологическим креном, результатом которого стала девальвация аристотелевской максимы: утверждения единства основ бытия и познания. В итоге философия рискует потерять свою объяснительную функцию. Философское богатство классической гносеологии должно быть заново освоено и присвоено современными наследниками «вечных» проблем, в новых условиях заявивших о своей актуальности.

Наш «экзистенциальный» материализм отнюдь не является иррационализмом и не порывает с логикой. Напротив, он базируется на постулате единства оснований бытия и познания, выдвинутом отцом логики. Вторым исходным постулатом для него является положение отца материализма о существовании основных предикатов вещей в сознании (и даже «лишь в нашем мнении»). Вместе с тем этот материализм зиждется и на экзистенциалистской категории здесь-бытия, однако оно понимается не как трепет бытия-к-смерти или ужас пограничной ситуации, но как *basso ostinato* всякого подлинного человеческого существования.

Экзистенциальный материализм – это не пресловутое «знание знания» или «мышление о мышлении»; последнее есть некая методология. Это именно *теория познания* – теория познания бытия, в том числе человеческого, включающая

онтологию и признающая, как и самый ранний материализм, что сознание содержит в себе бытие тетически, необходимым образом и что философия, рассуждая о бытии, «выходит» на здесь-и-теперь-бытие-сознание.

Свидетельство Галена о Демокрите, классике, если не родоначальнике экзистенциального материализма (утверждавшего, что чувственно воспринимаемые явления, все, кроме порядка, траектории перемещения, веса и формы, существуют лишь в наших ощущениях, всё остальное – атомы, лишённые всякого чувственно воспринимаемого качества, и пустота), воплотило основное онтологическое затруднение гносеологии по поводу истины, или истинности. Совпадают ли – а у великого материалиста совпадают! – *истинность* и *действительность*?

Но и сегодня мы не разрешили этого затруднения. А на этом основании зиждётся затруднение второго уровня – парадокс «Лжец». Совпадают или не совпадают, хотя бы в сущности, (истинное) знание о действительности и суждение об этом знании? Скажем, отличаются ли чем-нибудь суждения: «я чувствую запах фиалок» и «истинно, что я чувствую запах фиалок»? Готлоб Фреге, например, считал, что они не отличаются ничем. (Что ещё больше печалит: второе заявление, несмотря на свой модальный оператор, может не быть истинным, но лишь правдивым, *искренним*... или же ложным). Есть целые направления современного философствования, в которых неразлично совпадают «образцы, запечатлённые в памяти», то есть мысли, с их названиями, языковыми обозначениями: суждения и *высказывания* (логическая семантика А. Тарски, например).

Сегодня, как и в античные времена, для философа существует необходимость решать основные вопросы. Если истинность и бытие не тождественны хотя бы потому, что бытие существовало до его познания, акцент переносится на гносеологические формулировки. Не «существует» бытие или «не существует» (понятно, что существует!), а «дано» бытие или «принято»? «Принято» или «взято»? «Взято» или «сконструировано»? И как? То есть, каким образом?

Наименее подходящее для нашей экзистенциально-материалистической гносеологии «дающее давания» М. Хайдеггера, его знаменитая синтагма «бытие не есть, бытие дано», аналогичная во второй, главной части этой конъюнкции ленинскому определению материи, «которая дана нам в ощущениях»; простое «дано» в математике, зачин всех теорем; более того – совсем уже стёршееся «действительность» (вместо «объективной реальности» или «материального бытия») – все эти философские обороты и термины содержат устойчивую, могущественную и почти подсознательную установку: бытие дано *кем-то*. *Actus essendi*. Именно это и не устраивает материалиста, вслушивающегося в язык.

В действительности, бытие не дано. Бытие есть. Оно первично, активно и энергично само по себе и само в себе. Оно, если на то пошло, даёт себя. Космос сам активен и заряжен энергией, и он *поддаётся* познанию. Бытие может быть *принято* (или не принято), *взято* или трансфигурировано, трансформировано, *изобретено*, а также *создано* в отдельных частях и проявлениях *человеком*.

Другое дело – описание экзистенциального самочувствования человека, ощутившего резонанс с бытием: причастность, причащение, «стояние в просвете бытия» Хайдеггера как момент обретения истины. Так мне открылось здесь-бытие, *Dasein*, и я не нуждаюсь в доказательствах существования бытия. *Так открылось бытие*; да, подтверждаем мы эту интуицию, оно имеет такое свойство,

универсальная субстанция имеет такую акциденцию, ведь материя – субъект всех изменений. Бытие не «дано», оно принято человеком. Эта экзистенциальная ситуация сопровождается *открытием*.

Так как же *открывается* сущее бытие? И как создаётся?

Вне познания никак не открывается и не создаётся, но – возникает, рождается в самодвижении и саморазвитии. В познании открывается как выход сущности на поверхность и создаётся как *έρουον*, дело.

У самого Аристотеля «чистая сущность» есть не обособленный предмет, а качественная определённость вещи. Третья по порядку следования аристотелевых категорий, категория качества отражает факт существования у сущности разнообразных акциденций – количества, места, времени, состояния, отношений, претерпеваний и действий. После разъяснений Порфирия и в особенности Боэция качество в логике стало пониматься как то, что сказывается в ответ на вопрос «каково это?» и имеет отношение к субстанции. Но важнее, что то *ποιον*, или *ποιότης*, «качество», паронимично соотносится с *ποιέω*, «делаю, творю», то *ποιεῖν*, «действие», и *ποίημα*, «творение». «Качество» по-гречески обозначается ещё другим выразительным словом – *πράξις*, «практика». Эта экзистенциальная ситуация сопровождается не просто *из-обретением*, или *кон-струкцией*, но созданием, сотворением, произведением. Изводом и поставом. Из явления «возгоняется» сущность. Сознание в таком случае является не просто образом вещи или мысли, но образом действия. Сущность сущего обретается в деятельности сознания, становясь тем, что мы называем «истина».

Интересно, что на предварительной стадии знание о существовании (0) и знание о знании (1) знания существования (0) ещё неотличимы, как неотличимо совпадают онтология с гносеологией в “*Dabewußtsein*” – здесь-и-теперь-бытии-сознании (и в экзистенциальных суждениях логики). На следующем же шаге они расходятся. Первый вопрос для натурфилософской онтологии, после «нулевого», – это вопрос, почему существует тело. А для эпистемологии первый (после предварительного) вопрос – это как, чем доказывается, подтверждается существование («тела», или тела истины)? Так проблема переводится из мировоззренческой в методологическую плоскость.

В начале прошлого десятилетия современный английский философ Джонатан Беннетт, исследуя творчество Локка, Беркли и Юма, писал в книге «Учения шести философов»: «Со стороны натурализма мы имеем понятие *причины* и исследования относительно *происхождения* разных аспектов человеческого существования; многое из этого принадлежит *эмпирической психологии*. Нормативные исследования, со своей стороны, скорее касаются *логических* отношений, вовлекая нас в концептуальный анализ; акцент ставится на *философию сознания*. ...Я представил эту дихотомию в виде противоположности “генетических” вопросов относительно источника наших мыслей и убеждений и “аналитических” вопросов относительно их существа, причём последний вопрос является необходимым предисловием к открытию того, что может их удостоверить»¹ [1, p. 199].

¹ Здесь и далее перевод цитат из англоязычных источников принадлежит нам.

Понять эти разъяснения несложно; в особенности важна последняя сентенция, об обретении критерия. Сложно ответить, куда делся, утонув между «онтологическим» (а на деле натурфилософским) и эпистемологическим («аналитическим») подходами, гносеологический вопрос о том, что есть истина. Не *каково* её происхождение, не *как* она обретается и не *что такое* наши убеждения – хотя то, другое и третье невероятно важно! – а что она есть на самом деле.

Первый вопрос для гносеологии касается убеждения в существовании истины, *как-то связанной* с телом, существование которого этим убеждением так или иначе уже признано.

Логика XX века в помощь гносеологии выдвинула следующий норматив: “He believes P because he believes R and takes it to be a reason for P” («Он верит в P, потому что он верит в R и считает это доказательством P»). Кстати сказать, данное рассуждение важно и для обсуждения основной гносеологической синтагмы. В работе Хайдеггера «О сущности истины» [2] есть интересное место: формула «истина – приравнивание вещи к интеллекту» означала раньше приравнивание вещи к уму творца: *adaequatio rei ad intellectum (divinum)*; это и была гарантия для истины как приравнивания человеческого разума к вещи, *adaequatio intellectus (humani) ad rem (creandam)*. Исчезло средневековое основание – «повисло» безосновательное следствие...

Примечательно, что в русском языке дифференцировано обозначение объективных, «естественных» причин и субъективных, или логических причин, именуемых резонами, или доводами. Но есть определённые трудности понимания и перевода термина *believe*, связанные с тем, что по-английски *to believe* означает «верить» (только это не обязательно религиозная вера; таковую правильнее обозначать словом *faith*, происходящим от лат. *fide*); а соответствующее существительное *belief* – это не столько вера, сколько убеждение, в крайнем случае верование. По-русски же это всё разные слова.

Дж. Беннетт отмечает: «Положение о том, что заставляет кого-то верить в P, где причины не требуют ничего похожего на резоны, не имеет связи ни с чем нормативным; а положение о том, какие существуют доводы в пользу P, само по себе не является положением о причинении» [1, p. 199]. И дальше этот автор коротко упоминает то, что мы назвали затруднением № 2, хотя, похоже, он не считает *это* затруднением: «Итак, каузальный поиск может существовать на собственной основе, и нормативный также; но когда мы вопрошаем не только об аргументах в пользу <существования> P, но о том, *какие доводы движут людьми, чтобы убедить их, <что P>* (курсив наш. – Э.Т.), мы попадаем на территорию, где нужны и логические, и каузальные аргументы» [1, p. 199]. Сегодня, как вскользь замечает Беннетт, эти виды аргументации не противоречат друг другу. Однако суждения, включающие те и другие аргументы, лежат на разных уровнях и выражаются «на разных языках» – объектном и мета-, как мы знаем об этом от Рассела. Потому что это суждения о предметах разного уровня абстракции, это язык «говорения» о предмете мышления (1) и язык говорения о языке говорения (2). У них есть общая местность, или область значений. И, безусловно, у них есть общий источник – то первичное «тело», которое мыслится и обозначается; обозначается дважды, и обозначение № 2 обычно как-то маркируется, включает некий модальный оператор. Хотя этого может и не быть;

«Король парадоксов», состоящий всего из двух слов – «я лгу», именно это затруднение и вскрывает.

Действительно ли суждения «S – P», «I believe that S – P», ничем, кроме эпистемической модальности убеждения, не отличаются? Г. Фреге, как уже было указано, приводил такой пример: *я чувствую запах фиалок = истинно, что я чувствую запах фиалок*. Неизбежно вспоминается один из аргументов, применённых в «Метафизике» Аристотеля против метафизики Платона: в идее нет ничего, чего бы не было в вещи. «Приписывая мысли свойство истинности, мы ничего не прибавляем к самой мысли», – говорит Фреге [3, с. 32]. Ничего – кроме «инъекции» фиалки в сознание... Ничего – кроме проекции (эпикуровский *προλήψις*) сознания вовне... Всё это вместе обретается, схватывается в экзистенциальном, целостно-неразличимом переживании здесь-и-теперь-бытия-сознания, что и создаёт встречу субъективного и объективного. Именно эта встреча в экзистенциальном состоянии “*Dabewußtsein*” (*sine qua non*) является онтогносеологическим основанием одновременного совпадения (и распада) момента абсолютности и момента относительности в истине: первый идёт от *Dasein*, второй привносит *Daß bewußte /Sein/*. Это место рождения основной синтагмы гносеологии.

Истина, несомненно, абсолютна. В первородном, этимологическом отношении истина вне разрушения. Современный греческий философ Статис Псиллос, лауреат премии Президента Британского общества философии науки, в своей книге «Философия науки от А до Я» говорит об этом в следующих выражениях: «Whatever else it is, truth does not have an expiry date. Unlike dairy products, truth cannot go off... Hence, truth cannot be equated with acceptance» (Чем бы ни была истина, у неё нет крайнего срока использования. В отличие от продуктов питания, она не пройдет... Следовательно, истину нельзя приравнять к приемлемости) [4, p. 247].

А что говорят словари?

Absolute (fr. L – *solvere*, to loosen, solve, dissolve, fr. *sed*; *se* – apart + *luere* – to release, atone for Gk. *luein* – to loosen, dissolve, destroy; *ab* – from, away, off; Gk *apo* [5]). Истина – над, далеко от; от чего? to destroy – разрушать; to loosen – распускать, расслаблять, to dissolve – растворять, а просто solve – уже «решать проблему». Она «вне растворения», превыше его. И выше всех решений... Истина как абсолют не зависит от «принятия» её или не принятия. Наиболее распространённое гносеологическое (и гностическое) понимание абсолютной истины как всей полноты универсального знания об универсальности Вселенной эксплицируется не иначе как идеал.

Истина, конечно, относительна, и это проявляется во многом. Напрашивающаяся асимметрия абсолютного и относительного, кстати говоря, тоже относительна... Относительность истины зависит как от объективных, так и от субъективных факторов. Объективные факторы, вызывающие релятивизацию любого знания, были перечислены ещё у скептиков среди пяти тропов Агриппы и десяти тропов Энесидема; коротко говоря, меняется объект, меняется метод его освоения – меняется наше понимание. Кроме того, истина принадлежит субъекту, его сознанию; все погрешности, слабости и издержки, все творческие порывы и «передержки» сознания делают в сущности истинное знание лишь

относительным. По преимуществу это зависимость знания от образа действий человека. Плюс к тому, «снизу», вне этой зависимости, (гипотетически полагаемое за существующее) абсолютное знание ограничивают физиологические возможности. «Сверху» это абсолютное знание «того, что поистине есть», то есть того, что в действительности существует, релятивизируется за счёт воображения и фантазии человека, его конструктивной деятельности и т. д.

Есть ещё факторы, которые можно определить как объективно-субъективные, характерные для общественного, а не индивидуального сознания: принятая картина мира, стиль мышления, интеллектуальный «потолок» самой эпохи, соотношение рецепции и трансформаций традиционных форм культуры, интерпретации идей науки, идеологический пресс, эстетический канон, этический кодекс, языковые нормы, психологические установки и т. д. (Насколько можно об этом судить, впервые в отечественной науке эти и другие факторы были квалифицированы как «предпосылочное» знание ленинградским, а впоследствии московским специалистом в области теории познания, эпистемологии и философии науки Л.А. Микешиной).

Теперь остановимся несколько долее на проекции сознания вовне, *προλήψις*.

Как это было у Юма: идея существования либо отчетливо соединена с каждым восприятием каждого предмета мысли, либо тождественна самой идее восприятия (или восприятия объекта). «Просто думать о какой-нибудь вещи и думать о ней как существующей совершенно одно и то же» [6, с. 124].

Просто думать, следовательно, о запахе фиалок и думать, что цветок действительно существует – пожалуй, и в самом деле одно и то же. А вот просто думать о запахе фиалок и думать, что думаешь о запахе фиалок – совершенно ли одно и то же?

Надо или не надо приписывать знанию свойство истинности, раз уж знание *есть* и оно есть знание о своём объекте?

Приписывать не надо, но и отнимать не надо, поскольку оно у него действительно есть (*если есть*).

Надо или не надо приписывать суждению свойство передавать убеждённость автора в действительности предмета суждения?

Приписывать не надо, но и отнимать не надо, поскольку оно у него действительно есть (*если есть*).

Бесспорным кажется положение «Дом истины – логика», потому что только в логике начиная с самого Аристотеля она внятно определяется на примерах суждений (как правило, ассерторических). Если мы приписываем субъекту суждения некий предикат и он у его оригинала действительно есть, суждение истинно, а если данного предиката у субъекта в действительности нет – суждение ложно. И наоборот: если мы указываем на отсутствие признака субъекта суждения и он у предмета-оригинала на самом деле отсутствует, суждение истинно, а если наличествует – ложно. Трудность в том, чтобы узнать сначала, существует ли предмет обсуждения (экзистенция), далее – что он собой представляет (эссенция) и затем уже – каковы присущие ему свойства (акциденции), и «есть» они или «не есть» (проба на *verum*, веру, убеждённость и истинность знания). Далее на деле выяснится и тенденция будущего изменения вещи... Знакомый алгоритм!

Уточним теперь: истина (знания) или истинность (суждения)? Что правильнее характеризует преимущественный объект гносеологии?

Рассмотрим такое словарное «определение» (в действительности это не определение, а *деление* понятия): **Truth** – quality, state, of being true or accurate or honest or sincere or loyal or accurately shaped or adjusted [ОЕ trēowth]. Истина – качество, состояние «быть истинным», или точным, или честным, или искренним, или верным, или аккуратно сформированным, или пригнанным [7].

Здесь всё понятно и в то же время всё вверх ногами. Истина – субстанция свойства «быть истинным», аккуратно и т. д. Эллины говорили совсем бесхитропно: истина есть *тело*. Гораздо ближе нам точка зрения Г. Фреге: истинное [wahr] – это только логическое, это слово в логике (а мне думается, что и в гносеологии тоже) не должно употребляться в смысле «подлинный» [wahrhaftig] или «правдивый» [wahrheitsliebend]... (см. [3, с. 29]).

Истина – это абстракция, некоторая квалификация центральной логической формы, или предмета (со)знания – мысли, суждения, то есть, строго выражаясь, его (суждения) *истинность*. В качестве квалификации она допускает преимущественно качественное, в качестве абстракции – точное, математическое, количественное описание. Г. Фреге, считавший задачей логики обнаружение законов истинности (а не обнаружение законов утверждения или мышления!), заявлял: «В законах истинности раскрывается значение слова “истинный” [wahr]... В языковом отношении слово “истинный” проявляется как прилагательное» [3, с. 29]. Истинность – это не идеальный объект, некая сущность, а *изолирующая абстракция*.

Короткое отступление. Самая простая гносеологическая типология понятий в отношении степени их абстрактности включает три строки: первый уровень – абстракция отождествления, средний – изолирующая абстракция, высший уровень – абстракция идеализации, или абстрактный объект. Какую строку в этой элементарной трёхступенчатой логико-гносеологической классификации занимает истина/истинность?

Вторую. Второй этап образования понятия есть обретение так называемой изолирующей абстракции. Выдающийся авторитет в области классической гносеологии Джон Локк писал об этой операции так: «Ум, приобретая какую-нибудь полезную... идею путём созерцания или беседы, прежде всего выделяет её, а затем даёт ей название...» [8, с. 440].

Третий шаг – конструирование абстрактного объекта. У Локка это разъяснено следующим образом: «Идеи смешанных модусов представляют собой... произвольные сочетания точно определённой совокупности простых идей, а потому сущность каждого вида образуется только людьми, и нигде не существует другого доступного восприятию образца её, кроме самого имени или определения этого имени» [8, с. 442].

Истинность – *изолирующая абстракция*, по уровню логического существования подобная «красоте», «мужеству» или знаменитому “albedo” – «белизне», столь много послужившей истории логики и эпистемологии: вспомним знаменитое “Sortes est alb” («Сократ бел» – светлож или бледен). Вероятно, такие абстракции вырастают из логического поиска дефинитивного признака предмета мышления; семантически они близки прилагательным, являясь оперативной

находкой подобного поиска, «ответом на вопрос “каково это?” применительно к субстанции» («...ибо слово “голубая”, собственно говоря, означает только отличительный признак <фиалки>...» [8, с. 443]).

В интервале таких абстракций мы начинаем обращаться с отвлечённым от вещи свойством как с отдельным конкретным объектом: красота, белизна, грамотность, человечность... электропроводность, ковкость, плавкость... истинность. В этом процессе работы со свойствами, отвлечёнными силой ума от их носителей, среди собственных признаков устанавливается «самый собственный», отличительный. Субстантивация изолирующей абстракции «*истинно (наречие), истинный (прилагательное)*» приводит к имени существительному (и понятию) «*истинность*». Далее путь русской лексемы ведёт к последней цели: истинный (естенный, то есть подлинный, действительно существующий) – истинно – истинность – истина. Повышение степени отвлечения – а в данном случае, надо согласиться, предельное отвлечение есть полный отрыв от логического носителя истинности, суждения – даёт нам абстрактный, или идеальный объект и выражающую его великую философскую категорию *Истина*. Абсолют, равный, или равномогущий Бытию и Духу, свободный от несовершенств, принуждений и примесей, самодостаточный, независимый от квалификационных оценок, стандартов измерений, экстернатальных референций.

Субстантивация может происходить и быстрее. Это особенно заметно на примере немецкого языка: начальная лексема в нём – *wahr*, присоединение к этому прилагательному суффикса женского рода *heit* непосредственно превращает его в существительное *Wahrheit*, истина.

Однако не все философы согласились бы с высказанными утверждениями. Так, критик догматизма учёных Секст Эмпирик в Книге первой трактата «Против логиков», поначалу объективистски и критически, пишет об *истинности* как о чём-то, отличном от собственно *истины*: «...Иные, а в особенности стоики, полагают, что она отличается от истинного тремя способами: субстанцией (*ουσία*), составом (*σύνταξις*) и значением (*δύναμις*)... Субстанцией она отличается, поскольку истина есть тело, истинное же существует в качестве бестелесного». Имеется в виду, что истинное есть некое суждение, утверждение; «утверждение же есть словесное выражение (*λεκτόν*), а оно бестелесно» [9, с. 67].

Истина – тело, поскольку она оказывается *знанием обо всём истинном*. Это, можно сказать, корпус всех истинных суждений. Всякое же знание есть «*пребывающее ведущее*». А ведущее начало, согласно стоикам, есть тело.

По составу «истинное» – это «*нечто единовидное и по природе простое*». А истина сложна; она «*составлена в качестве установленного, систематического знания, являющегося собранием множества истин*» [9, с. 67].

Различия в *δύναμις* для «истинного» и самой истины в изложении Секста касаются методологии, или способов обретения знания. «...Они различаются одно от другого тем, что истинное не всегда связано с наукой (т. к. и слабоумный, и младенец, и безумный высказывают иной раз нечто истинное, не обладая наукой об истинном), истина же созерцается соответственно науке» [9, с. 68]. Итак, истина отличается от *истинного* субстанцией, составом и значением.

Несмотря на совершенно внятно выраженную позицию высоко чтимого нами философа, его мнение не убедило нас. Мы остаёмся верны позиции, что

различие между разбираемыми концептами состоит в уровне отвлечённости субстантивированного прилагательного «истинное» и абстрактного объекта «истина».

Ещё раз определим: истина/истинность – это изолирующая абстракция, некая квалификация идеального, которая отображает сущность объекта познания, присвоенную субъектом в действии, – сущность, зафиксированную в лингво-логических формах.

Экзистенциальный материализм коренится в постулате, утверждённом отцом логики (совпадение оснований бытия и познания), и с логикой никогда не порывает. Есть возможность продемонстрировать переход, перелив относительного в абсолютное средствами аристотелевой логики. Не останавливаясь здесь на этом специально, укажем, что этот фазовый переход синтагматически фиксируется в неопределённых, определённых частных и частновыделяющих суждениях, которые и составляют шаги в направлении от относительного знания к абсолютному.

Логическим выражением совпадения мысли с действительностью является единая местность общих и единичных суждений: в них субъект и предикат имеют общий объём, то есть предикат является обозначением того же предмета, который мыслится в субъекте, но рассматриваемого с определённой стороны. Это довольно очевидно и потому кажется трюизмом (см. [10, с. 62–65]). Важно другое: логические переходы от неопределённости к определённости (и сугубой определённости – уточнённости предиката) суть шаги *содержательного* знания от *относительного к абсолютному*. Здесь требуется уже не только логика, но и *гносеология*. В теории и практике познания происходит это приближение к истине как совпадению с действительным положением дел. Онтогносеологическим основанием (одновременного) совмещения момента абсолютности и момента относительности в истине является экзистенциальное состояние “Dabewußtsein”, здесь-и-теперь-бытие-сознание, когда-и-если-оно-есть: basso ostinato всякого подлинного человеческого существования.

Определение истины как совпадения мысли с действительностью, как и тезис о совпадении оснований бытия и оснований познания, принадлежит Аристотелю. Существующие «теории познания» как теории истины всегда будут ссылаться на отца логики, чтобы потом так далеко уйти от его определения, как только возможно. Объяснить это трудно, точнее, трудно назвать причину современного массового «бегства от реальности», но оно слишком явно. Пониманию не помогло бы и вышеприведённое рассуждение об утрате вместе с религиозной верой достаточного основания, а стало быть, и доказательности средневекового определения истины как приравнивания мысли к вещи (*adaequatio intellectus ad rem*), потому что аристотелево определение *опережает* и латинскую версию перевода, и *общеевропейскую потерю* на тысячи лет. И вот в новейшее время серьёзные учёные начинают отказываться от него...

Например, отец *современной* логики, выведшей в XX веке на авансцену Витгенштейна и аналитическую философию, построивший знаменитый семиотический треугольник, столь любимый нами немецкий мыслитель Г. Фреге начисто отменяет аристотелево определение, называя несостоятельной попыткой объяснение истинности как «согласованности». (Ср.: «...Можно было бы предположить,

что истинность состоит в согласовании изображения с изображаемым» [3, с. 30].) Однако нет; это предположение – Фреге не произносит этого слова, произносит немецкий язык – предположение профанное. В одной из сносок он замечает: «...Более всего обыденному словупотреблению отвечает то, когда под суждением понимают осуществление суждения, подобно тому как прыжок есть отождествление прыгания». Из этого следует – то, что признаётся истинным, может быть только мыслью. Как будто невозможно «такое выражение мысли, которое не содержит указаний относительно её истинности» [3, с. 33]! По вине профанов от философии «первоначальное ядро кажется теперь расколотым»; одна его часть находится в слове «мысль», другая – в слове «истинный».

Здесь у Фреге приводится два аргумента.

1. «...Согласованность может быть совершенной лишь в том случае, если согласующиеся вещи совпадают, т. е. вообще не являются различными вещами» [3, с. 30]. Отсюда, пожалуй, вырос Витгенштейн с его семантическим скептицизмом: «каждая фраза хороша такова, какова она есть».

2. «...Все чувственно воспринимаемые вещи должны быть исключены из той области, в которой возникает вопрос об истине. Истина не является свойством, согласующимся с определённым видом чувственных впечатлений» [3, с. 31].

Так и есть. Однако в вопросе об истине требуется обсудить совсем другое: не согласие мысли с чувством, но согласие мысли с реальностью! Немецкий рационалист, математик и логик, философ новейшего времени возвращает нас – своим отрицанием – к обсуждению позиции английских эмпириков-сенсуалистов XVIII века – Юма, Локка, которые признавали, что содержание ума соотносится с показаниями чувств, а не (напрямую) с реальностью.

Надо иметь в виду, что любой строжайший логик, эксплицируя адекватность («приравнивание») истины и её диспозиции, пользуется, не может не пользоваться, *метафорами*: согласование («голос»), соответствие («ответ»), совмещение («место»), подобие («образ»); в ход идут иностранные слова: модель (“modus”, «вид»), референция (“pherein”, «нести», отношение), когеренция (“stick together”, неразрывно держаться вместе), (кор)респонденция (“respond”, опять-таки «ответ»)... Используются и «хождение», «падение» (сходство, совпадение)... До сих пор ничто не могло заставить учёных отказаться от обозначения отношения мысли к своему референту метафорами согласования и совпадения. Традиция сильна. Экзистенциалист Хайдеггер в XX веке, как в XIX веке диалектический материалист В.И. Ленин, а в XVII столетии метафизический материалист Джон Локк, пользуется в данном отношении теми же терминами: *mitstimmen*, *agreement* – согласование, соответствие, совпадение... уподобление.

Хайдеггер совершенно прав, утверждая: «Уподобление не может... означать вещественного процесса уравнивания между неоднородными вещами». Обсуждению подлежит другое: «Сущность уподобления определяется более всего видом того отношения, которое господствует между высказыванием и вещью... (И необходимое методологическое добавление, на котором мы всегда будем настаивать: между высказыванием, *мыслью* и вещью. – Э.Т.)» [2, с. 95].

Значит, мы должны обратиться, вернуться к такому «классическому» свойству истины, как адекватность. Парадоксально, но факт: расхожее мнение о признании имманентности этого признака для истинного знания является неверным.

Классическим стартовым эталоном в силу своей развёрнутой системности выступает для нас материалистическая гносеология Локка. Рассмотрим поэтому далее, как в этой системе трактуется адекватность – видовой признак истины, с нашей точки зрения, – которую Локк отличал от образности (копирования оригинала) и от *истинности* (sic!).

В Новое время вопрос об истине был поднят как проблема отражения реальных вещей в человеческом знании безусловным и абсолютно достоверным способом. Это знание должно быть всеобщим, необходимым и очевидным. В этом до Локка соглашались и материалист Гоббс, и дуалист Декарт¹. Интуиция и доказательство суть две степени (уровня, degrees) нашего познания. Как и Декарт, высшим видом (уровнем) познания Локк считает интуитивное; применительно к нему он пользуется понятием истинности как «соответствия», agreement (согласования) между идеями. То, что не доступно интуиции – доступно доказательству, синтагматической «демонстрации». В ходе неё устанавливается соответствие связей, выявленных между идеями, тем связям, которые существуют в вещах и между ними. Здесь «соответствие» (agreement, *согласование*) означает одинаковость, совпадение структур обоих рядов связей друг с другом. Это примечательное качество можно назвать «морфизмом»; его исследование поможет обогатить и понятие подобия (можно считать «морфизм» мерой подобия), и теорию истины в целом.

Можно вспомнить, что мысль о первичности и несомненности интуитивного знания со всей определённой выскazyвалась ещё Оккамом: в силу него можно знать, есть вещь или нет, «так что, если вещь есть, разум тотчас же выносит суждение о том, что она есть, и с очевидностью познает, что она есть... (курсив наш. – Э.Т.)» [11, с. 101]. А корни этой мысли ещё глубже: по-гречески σαφής одновременно значит и «очевидный», и «истинный».

Во Второй книге своего «Опыта о человеческом разумении» Локк утверждает: касаясь их отношения к *вещам*, от которых они взяты или которые, как предполагают, представляются ими, *идеи* делятся на: 1) реальные или фантастические; 2) адекватные или неадекватные; 3) истинные или ложные. Здесь в основу классификации положены разные признаки. Реальные, или сообразующиеся со своими прообразами. Адекватные, или полностью представляющие свои прообразы. Локк использует термин “exact resemblance”, «полное и точное сходство».

Rem tene, verba sequentur. Держись вещей, а слова воспоследуют. Несмотря на латынь, можно утверждать, что эту максиму исповедовали и древние греки, и английские просветители Нового времени. В «Федоне» Сократ заявляет: конечно, можно познавать истину из понятий; но гораздо лучше познавать её из самих вещей. Из фрагмента 100: «...Я не очень согласен, что тот, кто рассматривает бытие в понятиях, лучше видит его в уподоблении, чем если рассматривать его в осуществлении» [12, с. 59]. В «Опыте» Локк говорит буквально то же самое: «...Мы, вероятно, сделали бы больше успехов в открытии разумного и умозрительного знания, если бы искали его у источника, в *рассмотрении самих вещей*...» [8, с. 151]. Объективный источник мысли выносится материалистом

¹ Декартовы «Правила для руководства ума» оказали несомненное влияние на эмпирика Локка (хотя тот и отверг «врождённые идеи» картезианцев).

из восприятия вовне (эпикуров «пролеписс»!). Если бы мы изучили пути, ведущие к истине, то нашли бы, что истина появилась в результате должного рассмотрения *существа самих вещей*. Открытия делаются путём надлежащего применения способностей, дарованных нам природой, с целью воспринимать истинное положение дел и судить о нём. Реальность – первый вопрос, предваряющий обсуждение истинности. Решается судьба родового свойства истинного знания – объективированности.

Простые идеи, которые суть все реальны, *сообразуются* со своими прообразами: имеют основания в природе, сообразны с реальным бытием и существованием вещей. Они могут, однако, как и зрение, быть ясными либо смутными. Они ясны, когда и если они таковы, каковы сами объекты. Локк допускает, что идеи вторичных качеств могут быть не похожи на вызывающие их причины, не подобны им. Но это не мешает им быть реальными идеями. «Не то чтобы все они были образами или представлениями, того, что действительно существует... (это верно только для первичных качеств. – Э.Т.). Но хотя белизна и холод имеются в снегу не более чем боль, однако эти идеи белизны и холода, боли и т. п., будучи в нас результатом воздействия сил, присущих вещам вне нас... есть... реальные идеи...» [8, с. 426]. Поэтому довольно безразлично для их характеристики как реальных идей, являются ли они постоянными результатами воздействия сил, присущих вещам, или же подобиями свойств самих вещей. Наши идеи служат нам в любом из этих случаев. «Ибо в простых идеях... ум всецело ограничен воздействием на него вещей и не может составлять себе простых вещей больше, чем он их получил» [8, с. 426].

Что касается сложных идей, не имеющих иной реальности, кроме как в сознании человека, их Локк не называет ни фантастическими, ни химерическими: «...*Смешанные модусы и отношения*... будучи сами прообразами... не могут отличаться от своих прообразов и поэтому не могут быть *химерическими*...» [8, с. 427]. А вот идеи субстанций *могут* быть фантастическими, образованными «из таких совокупностей простых идей, что никогда не были соединены в действительности, никогда не находились вместе в какой-нибудь субстанции» [8, с. 428]. Химеры возникают из неправильного соединения, из связи не соединённого в реальности.

Второй вопрос, предваряющий обсуждение истинности – адекватность. Проблема адекватности знания также поднимается во Второй книге «Опыта». Из наших реальных идей некоторые адекватны, а другие неадекватны. Последние представляют свой прообраз не полностью, но частично.

Простые и реальные «идеи», или ощущения, адекватны все, «так как всякое ощущение соответствует воздействующей на наши чувства силе, то вызванная таким образом идея есть реальная идея (а не выдумка ума, не имеющего силы вызывать простые идеи) и не может не быть адекватной...» [8, с. 429]. Сложные идеи модусов (совокупности простых идей) созданы самим умом безотносительно к реальным прообразам, поэтому они суть адекватные идеи и не могут не быть ими: «Расчитанные быть не копиями реально существующих вещей, а прообразами, созданными умом для классификации и наименования вещей, они не могут быть в чём-нибудь недостаточными... ум соглашается с ними...» [8, с. 430].

Здесь есть особая сложность. Наши идеи смешанных модусов больше всех других идей склонны быть ошибочными. Однако это не мешает им быть адекватными: «смешанные модусы и отношения, будучи прообразами без образцов и не имея возможности представлять ничего, кроме самих себя, не могут не быть адекватными, потому что каждая вещь адекватна самой себе». Локк подчёркивает, что ошибки «относятся более к точности речи, чем к правильности знания» [8, с. 432].

С идеями субстанций всё обстоит ещё сложнее. Мы желаем познать, то есть скопировать вещи «как они существуют в действительности», представить себе их структуру, свойства, внутренние связи, прилагаем для этого все усилия, и тут обнаруживается, что намеченное совершенство полноты знания для нашего ума недостижимо. Ведь знания самого сведущего человека «весьма невелики по сравнению с теми свойствами, которые действительно находятся в данном теле». «Мы находим, что им все ещё не достаёт чего-то, что мы были бы рады иметь в них, и поэтому они все *неадекватны*»: неадекватны именно постольку, *поскольку они относятся к реальным сущностям* [8, с. 430, 432].

Написание «Опыта» заняло 20 лет жизни философа, поэтому в тексте есть повторения, есть кольцеобразные структуры, есть и перемены во взглядах. В Четвёртой книге Локк специально подчёркивает, что ум не *может обнаружить никакой связи* «между... первичными качествами тел и ощущениями, которые они в нас вызывают...»; «наш разум не может выявить... связь между каким-либо *вторичным качеством* и видоизменением какого бы то ни было *первичного качества*» [13, с. 60]. Правда, в Четвёртой книге есть и ослабленный вариант этого ригоризма: «Мы так далеки от знания того, какая форма, какие размеры или движение частиц производят жёлтый цвет, сладкий вкус или резкий звук...» [13, с. 23].

Общие выводы XXXI главы Кн. II «Об идеях адекватных и неадекватных» таковы:

Простые идеи все адекватны [8, с. 428];

Модусы все адекватны [8, с. 430];

Модусы могут быть неадекватными в отношении к установленным именам [8, с. 431];

Идеи субстанций как совокупности качеств субстанций, <поскольку они относятся к реальным сущностям>, все неадекватны [8, с. 434].

Или:

Простые идеи суть ёктыла <копии> и [они] адекватны [8, с. 435];

Идеи субстанции суть ёктыла, [но] не адекватны [8, с. 435];

...Сложные идеи модусов и отношений суть подлинники и прообразы, а не копии, и они не созданы по образцу чего-либо реально существующего, с чем ум намерен сделать их сообразными и точно соответствующими [8, с. 435].

В этой же XXXI главе Второй книги, посвящённой проблеме адекватности, тесно сопряжённой с проблемой реальности, «схоластическая терминология» – идеи адекватны в том смысле, что имеют некоторую соответствующую себе *причину* – даёт себя знать в следующем пассаже: «...Из вещей, вызывающих в нас эти простые идеи, лишь немногие получили... название, как если бы они были просто причинами этих идей [а большинство было поименовано] так,

как будто бы идеи являются реальными существами в вещах» [8, с. 429]. Но пафос этого рассуждения не в том, чтобы устанавливать прообразы как *причины* идей, а в том, чтобы проиллюстрировать «пролепсис» ощущений: свет и тепло – это вроде бы «качества огня»; почему тогда боль – не «качество огня»? Однако нет: страдание от ожога, жар, ослепляющий блеск огня только метафорически относят к самому огню. Поистине же эти «идеи» принадлежат сознанию человека. «...Света и тепла в мире было бы не больше, чем страдания... если бы не было существа, способного чувствовать страдание, хотя бы солнце продолжало светить точно так же... а гора Этна вздымала свой огонь выше...» [8, с. 428].

В следующей главе «Опыта» тоже есть сюжет об адекватности. Локк подчёркивает, что неадекватная, несовершенная идея не должна непременно считаться ложной: она лишь заключает в себе не все идеи, которые в природе соединены, но те, что соединяет, соединяет верно, как в природе [8, с. 446].

Если идеи считаются адекватными, не будучи таковыми, тогда возникает заблуждение. Или ложь.

И это всё об адекватности. Она призвана обозначить полноту и точность передачи свойств, связей, структуры оригинала (объекта, «образца», pattern) в его модели (образе, «идее», idea).

Далее подходит черёд обсуждения собственно истины. Этому посвящена следующая глава, «Об идеях истинных и ложных». В ней, между прочим, фигурирует методологически ценный семиотический треугольник *знак – смысл – объект*: «...Так как... *отвлечённая идея является в уме чем-то находящимся между существующей вещью и данным ей названием* (курсив наш. – Э.Т.), то в наших идеях заключается и правильность нашего знания, и точность и понятность нашей речи» [8, с. 441]. Вывод из этого положения таков: люди склонны предполагать, что отвлечённые идеи, имеющиеся в их уме, соответствуют существующим вне их вещам, и что они также тождественны с относимыми к ним именами. «...Без этой двойной сообразности своих идей, – замечает Локк, – люди и про себя мыслили бы ложно о вещах, и говорили бы о них непонятно для других». Вспоминается пример Оккама с птицей: и слово «птица» (*terminus prolatus*), и понятие «птица» (*terminus conceptus*) указывают на одно и то же существо.

Начало главы содержит и неожиданную семиотическую аллюзию: «Будучи только простыми представлениями или восприятиями... наши идеи сами по себе не могут быть собственно и просто названы *истинными* или *ложными*, точно так же как и про отдельное название (курсив наш. – Э.Т.) какой-нибудь вещи нельзя сказать, что оно *истинно* или *ложно*» [8, с. 438–439]. Локк имеет в виду, что истинность и ложность касаются утверждений или отрицаний (*положений*, propositions): «...однако идеи часто называются *истинными* или *ложными*... основанием для этого... служит всегда некое скрытое или подразумеваемое положение... Во всех случаях мы найдём некоторого рода утверждение или отрицание, являющееся основанием для... наименования» [8, с. 438].

Эта мысль повторяется несколько раз: «*В качестве представления в уме идея не бывает ни истинной, ни ложной*. Так как истинность или ложность заключаются всегда в некотором... утверждении или отрицании, то наши *идеи не способны быть ложными*, пока ум не высказывает о них какое-нибудь суж-

дение...» [8, с. 439]; «Истинность или ложность всегда предполагает утверждение или отрицание» [8, с. 446–447]; «Истинность или ложность никогда не бывает без некоего утверждения или отрицания» [8, с. 447]; «Так что, собственно говоря, истина относится только к высказываниям. А высказывания бывают двух видов – мысленные и словесные, так же как двух видов бывают и наши обычные знаки, а именно идеи и слова» [13, с. 52]; «С помощью суждения ум заключает о соответствии или несоответствии своих идей, или, что то же самое, об истинности или ложности любого положения, не воспринимая демонстративную очевидность в доказательствах» [13, с. 131]. И подобные.

Всё это не новость, и синтагматическое понимание истины идёт от самого Аристотеля. «Козлоолен» сам по себе не истинен и не ложен; эти оценки появляются, если он станет субъектом суждения, хотя бы экзистенциального. «Модусы» не ложны [и не истинны]. «Ибо никакая моя сложная идея... не имеет отношения ни к какому существующему и возникшему естественным путём образцу и не предполагает содержащей в себе какой-нибудь другой идеи, кроме тех, которые она содержит...» [8, с. 445].

Однако простое, без раздумий, приравнивание «идей» (пусть как представлений) к языковым знакам нуждается в комментарии, хотя бы самом коротком: знак связан с референтом условной связью; гносеологический образ связан со своим оригиналом не только причиной, но всеми возможными связями. У Локка же такое приравнивание образа к знаку (суждения к высказыванию) более чем обычно, и в этом он опережает современных английских эмпириков... намного. Ср.: «Знаки, которыми мы... пользуемся, есть или идеи, или слова, из которых мы составляем или мысленные, или словесные положения. Истина состоит в соединении или разделении этих представителей (representatives), смотря по соответствию или несоответствию самих обозначаемых ими вещей; ложность – в противоположном...» [8, с. 447]. «На мой взгляд, истина в собственном смысле слова означает лишь соединение или разъединение знаков, т. е. идей или слов, сообразно соответствию или несоответствию обозначаемых ими вещей друг с другом. Это соединение или разъединение знаков мы называем иначе «положением» («высказыванием», proposition) [13, с. 51]. Высказывание состоит в соединении или разъединении знаков, а истина – в соединении или разъединении этих знаков согласно соответствию или несоответствию обозначаемых ими вещей» [13, с. 53].

Приведённое не значит, что Локку уже можно было предъявить обвинение (подобное ленинскому) в агностической «теории символов» (наподобие той, что в XIX веке построит Г. Гельмгольц). При необходимости презентант и репрезентант приравниваются; при необходимости другого рода разграничиваются. Философ объясняет нам, как происходит подмена презентации (мышления, сознания) репрезентацией – словом, знаком. Когда мы хотим поразмыслить и высказаться о сложных идеях, то мы обыкновенно подставляем слово на место идеи. Большая часть наших идей несовершенна и неопределённа. И вот вместо идей мы начинаем размышлять о словах, потому что они яснее, определённое, лучше отличаются друг от друга и скорее приходят нам в голову. Суждения всегда принципиально связаны с языком.

Надо заметить, что Джон Локк очень верно характеризует суждения. Эта форма мысли призвана восполнить недостаток знания. Суждение есть сделанное в отсутствие восприятия предположение о том, что вещи существуют так, а не иначе [13, с. 133].

В тексте Четвёртой книги есть такая примечательная дистинкция: «Когда эта способность ума применяется непосредственно к вещам, она называется *суждением*; когда она применяется к истинам, выраженным в словах, она чаще всего называется *согласием* или *разногласием*» [13, с. 131]. Локк вполне отчётливо различает теперь истину мысли и истину слов: «Когда идеи соединены или разъединены в уме согласно тому, соответствуют или нет друг другу они сами или обозначаемые ими вещи, то это можно назвать *мысленной истиной*. Но *истина слов* есть нечто большее, а именно, утверждение или отрицание одного слова относительно другого согласно соответствию или несоответствию обозначаемых ими идей. И эта истина бывает двояка: либо чисто словесная и пустячная, либо реальная и поучительная...» [13, с. 54]. Можно выдвинуть серьёзное возражение против словесной истины: она «вся может быть химерой». Словесная истина безотносительна к существованию референта; в отличие от этого, реальная истина касается идей, соответствующих вещам [13, с. 55].

Подлинный литературный талант Локка позволяет буквально пластически осязать, театрально представить и ощутить, как свои собственные, претензии родоначальника эпохи Просвещения к истине «лишь словесной». Его тексты, посвящённые критике «нереальных» истин, свидетельствуют об общей неприязни этой благородной эпохи ко всему неясному, напыщенному, лживому. Так как неправда неприемлема для человеческого ума, то для защиты нелепости остаётся, по утверждению Локка, только неясность. Самый легкий способ добиться признания или защитить странные и нелепые учения – это «окружить их легионом неясных, двусмысленных и неопределённых слов, благодаря которым... такие убежища похожи более на притоны разбойников или на лисьи норы, чем на крепости благородных воинов» [8, с. 553]. Это портит и познание, и коммуникацию; благомыслящие и умные люди, безусловно, могут понятно изъясняться друг с другом и пользоваться благами языка «в его безыскусном употреблении». А если такой способ общения, к несчастью, все ещё существует, то он, по крайней мере, *не должен считаться учёностью*. «Не лучше ли было бы для человечества, которому важно знать вещи, как они есть, и поступать, как ему надлежит... чтобы употребление слов сделалось ясным и точным, чтобы язык, данный нам для усовершенствования знаний и укрепления связи в обществе, употреблялся не для того, чтобы лишить истину ясности и потрясать права народа, заволакивать туманом... а если это и будет случаться, то чтобы подобный образ действий по крайней мере не признавался учёностью и знанием?» [8, с. 555].

Однако учёный осознаёт, что такой семиотический изоморфизм, необходимый для науки, в обыденной жизни вряд ли достигим: дело в том, что наш ум обыкновенно ищет *общих истин*, поскольку они более всего способны расширять наше познание [13, с. 56]. *Общие же истины доступны пониманию только в словесных положениях* [13, с. 57].

В случае математических истин у Локка появляется что-то вроде аналога будущих положений Канта о конструировании математических образов в «чистом»

созерцании [14, с. 55–56]. Конструктивизация, категоризация, сотворение «родов и видов» у Локка уже представляли как свободное творчество познающего субъекта. «Но... именно люди устанавливают границы видов, согласно которым они их разделяют, ибо сущности видов, различаемые по разным названиям... суть продукты человеческой деятельности и редко бывают адекватны внутренней природе вещей, от которой они заимствуются» [8, с. 521]. Для обозначения свойства изо/гомоморфизма Локком используется новый выразительный термин – «ассоциация идей». Он вводится в Кн. II, Гл. XXXIII, носящей соответствующее название, и обозначает существование как естественных соотношений и связей, так и тех, которые «целиком обязаны случаю или обычаю: идеи, сами по себе вовсе не родственные... соединяются так, что очень трудно разделить их» [8, с. 451]. Они образуются произвольно или случайно; отсюда различия ментальности в различных людях сообразно их склонностям, воспитанию, интересам и т. п.

В главах, посвящённых интересующим нас проблемам, есть и метафизическое, и эмпирическое понимание истины.

В первом смысле она включает в себе подразумеваемое, или молчаливое положение: «...И про идеи, и про слова можно сказать, что они истинны в метафизическом значении слова “истина”, так как и про все другие существующие вещи говорят, что они истинны, т. е. действительно таковы, как они существуют (разве это не Демокрит?! – Э.Т.). Хотя, может быть, в вещах, называемых истинными даже в этом смысле, имеется уже скрытое отношение к нашим идеям, рассматриваемым как мерило (standards) этой истинности, что равносильно суждению (proposition) в уме (разве это не современная эпистемология?! – Э.Т.), хотя обыкновенно его не замечают» [8, с. 439]. Метафизический смысл истины Локк обсуждает и в Четвёртой книге: «*Метафизическая истина...* представляет собой не что иное, как реальное существование вещей сообразно (букв.: конформно. – Э.Т.) идеям, с которыми мы связали их имена (Разве это не предвзятие идей Гегеля?! Истина – это соответствие вещи своему понятию... – Э.Т.). ...Она включает в себя молчаливое положение, которым ум соединяет данную... вещь с идеей, установленной им раньше вместе с её именем» [13, с. 56].

Эмпирическое понимание истины задействует прямо противоположное direction of fit. Истинными и ложными бывают и называются идеи, причём не только суждения, но восприятия и представления, отнесённые «к чему-либо внешнему им», а именно к трём видам референтов: «*Люди обыкновенно относят свои идеи к идеям других людей, к реальному существованию и к предполагаемым реальным сущностям*» [8, с. 440]. При этом ум делает скрытое предположение о сообразности идей с данной вещью: истинность заключается только в тех представлениях, которые вызваны в нас некими силами и должны соответствовать помещённому богом во внешних вещах силам (курсив наш. – Э.Т.). Мы, к сожалению, не знаем реального строения субстанций, от которого зависит каждое вторичное качество в отдельности; но даже если бы знали его, «то это помогло бы нам не во всеобщем, а лишь в опытном познании, достоверность которого не простирается дальше отдельного случая...» [13, с. 60]. Наше познание качеств и свойств субстанций очень редко идёт дальше того, что воспринимают и сообщают нам наши чувства, а догадки о том, чего ещё не открыл опыт, не обладают достоверностью. В сущности, для этого нужно было бы знать

все свойства и действия материи (объём, форму, сцепление частиц, движение, покой и иные). Можно констатировать, что у нас почти нет достоверного общего познания субстанций (certain general knowledge of substances... almost none at all). *Общую достоверность* (general certainty) можно найти только в наших идеях. Когда мы ищем её в каком-нибудь другом месте – в опыте или в наблюдениях вне нас, наше познание не идёт дальше единичного (particulars). Одно лишь рассмотрение наших собственных отвлечённых идей способно дать нам *общее познание* (general knowledge). Когда мы замечаем, что идеи соответствуют или не соответствуют друг другу, мы получаем *общее познание* и можем с достоверностью высказывать *общие истины*, соединяя соответственно в положения названия этих идей [13, с. 66].

Истинность *нескольких* всеобщих положений о субстанциях *удаётся познать*, потому что в немногих случаях всё же можно познать совместное существование идей. Положения об отвлечённых идеях, максимы, будучи однажды верными, непременно должны быть *вечными истинами*. «Многие из них называются aeternae veritates, а в действительности все они таковы» [13, с. 117].

Во избежание терминологических конфузаций Локк предлагает называть идеи не истинными (true), а верными (right). «*Идеи* более правильно будет называть верными или неверными. ...Когда мы относим идеи к чему-нибудь как к образцу и прообразу, тогда они могут оказаться неверными в той мере, в какой они не соответствуют этим прообразам» [8, с. 450]. «И если суждение соединяет или разъединяет идеи так, как вещи существуют в действительности, то оно есть *верное* (right) *суждение*» [13, с. 133]. Это эпистемологический поворот.

Такова в основных пунктах эмблематическая теория истинного познания Джона Локка. Её достоинства очевидны. Её фактически повторяли французские просветители XVIII века и Фейербах. На ней в Новейшее время основывались идеи и взгляды классиков *диалектического* материализма. Перед марксизмом не стояла задача заново создавать систему материалистической гносеологии, достаточно было применить уже имеющуюся. Я не усматриваю никаких принципиальных изменений в понимании истины, адекватности, объективности в теории познания марксизма по сравнению с теорией познания Локка.

Однако даже самое внимательное, любовное прочтение не найдет в «Опыте о человеческом разумении» важнейших для гносеологии рассуждений об абсолютности и относительности истины. Точнее говоря, Локк стоял на той точке зрения, что наши представления, понятия и мысли, будучи однажды верными, непременно должны быть *абсолютными истинами*, aeternae veritates, оставаясь ими вечно. «Везде, где мы можем предполагать существо, подобное *человеку*... при обращении своих мыслей на рассмотрение своих идей оно непременно должно познать истинность достоверных положений, вытекающих из соответствия или несоответствия, которое оно заметит в своих идеях» [13, с. 118]. Именно за это воззрение система Локка и все подобные ей материалистические теории познания именуется метафизическими. А классики диалектического материализма побывали в науке у Гегеля – прошли школу «Науки логики». Это не могло остаться незамеченным: в марксизме *есть* рассуждение об этой «основной синтагме гносеологии». Например, у В.И. Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме» это представлено в форме компендиума [15, с. 138]:

условны <i>пределы</i> приближения наших знаний к объективной абсолютной истине	<i>безусловно</i> существование этой истины (и безусловно то, что мы приближаемся к ней)
«условны контуры картины»	безусловно, что эта картина изображает «объективно существующую модель»
условно то, когда и при каких условиях мы подвинулись в своём познании сущности вещей до открытия (ализарин, электрон)	безусловно, что каждое открытие есть шаг вперёд «безусловно объективного познания»
в целом условна всякая идеология	безусловно то, что всякой научной идеологии соответствует объективная истина, абсолютная природа

* * *

Итак, мы подробно рассмотрели постановку проблемы истины в классических текстах, в особенности связанных с философской традицией материализма. Можно ли считать, что решение этой проблемы получено?

Пока нет. У Локка не была проработана основная синтагма гносеологии, специально не рассматривалась специфика научного знания по отношению к иным сферам культуры. Концепция истины на материалистической основе в марксизме-ленинизме была выдвинута и в некоторых частях разработана и самими классиками, и советскими философами. Однако эта концепция не была *теорией*: многое в ней было заявлено лишь декларативно; материалистический пуризм не позволял рассуждать об экзистенциальном переживании истины и т. д. Поэтому нам необходимо развёрнутое во всех частях изложение концепции. Во-первых, мы ещё специально не рассматривали вопроса о критериях истинного и ложного. Во-вторых, самые продвинутые теории оперируют, как уже говорилось, метафорами типа «согласованность» и «соответствие», и надо добиться большей строгости в характеристиках истины. В-третьих, надо эксплицировать все её контрверзы.

Исследование проблемы истины должно быть нами продолжено. Предлагаемый вариант теории познания, развиваемой в новом направлении – *экзистенциального* материализма – позволяет гармонизировать классическую традицию и рецепцию современного этапа европейского философствования. Итогом станет общее решение, в качественном аспекте основанное на разработке понятия морфизма как генерализации предикатов адекватности, сходства и подобия, которое в количественном аспекте опирается на учение о гармонических рядах, восходящее к Пифагору. Эти шаги становления новой гносеологии будут освещены в последующих публикациях автора.

Summary

E.A. Taisina. The Problem of Truth in Classical Epistemology and Modern Existential Materialism.

The problem of truth and its criteria (the main problem in any theory of knowledge) has been treated variously in different philosophical schools and, therefore, has many interpretations. Today we have a rare opportunity to find a mutually acceptable solution of this problem within a new trend in philosophy, that is, existential materialism. This contribution aims at solving

the problem of truth by studying both classical philosophical texts (as Locke's "Essay") and basic predicates of truth itself (as adequacy and similarity).

Key words: knowledge, truth, reality, adequacy, similarity, existential materialism, John Locke, "An Essay Concerning Human Understanding."

Литература

1. *Bennett J.* Learning from six philosophers: Descartes, Spinoza, Leibniz, Locke, Berkeley, Hume. – Oxford: Clarendon Press, 2001. – V. 2. – 375 p.
2. *Хайдеггер М.* О сущности истины // Филос. науки. – 1989. – № 4. – С. 91–104.
3. *Фреге Г.* Мысль: логическое исследование // Фреге Г. Логико-философские труды. Логические исследования. Основоположения арифметики. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – С. 28–54.
4. *Psillos S.* Philosophy of Science A – Z. – Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2007. – 264 p.
5. Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. – Springfield, Mass.: G. & C. Merriam Co., 1963. – 1254 p.
6. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Юм Д. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1996. – Т. I. – С. 53–656.
7. Chambers's 20th Century Dictionary. – Glasgo, Edinburgh, London, 1965. – 1396 p.
8. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении. Кн. I – III // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 1. – С. 78–621.
9. *Секст Эмпирик.* Две книги против логиков // Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 61–243.
10. *Кириллов В.И., Старченко А.А.* Логика. – М.: Высш. шк., 1982. – 263 с.
11. *Оккам У.* Эпистемология // Оккам У. Избранное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 68–135.
12. *Платон.* Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – 528 с.
13. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении. Кн. IV // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 2. – С. 3–201.
14. *Нарский И.С.* Джон Локк и его теоретическая система // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 1. – С. 3–77.
15. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1980. – Т. 18: Материализм и эмпириокритицизм. – 525 с.

Поступила в редакцию
12.09.11

Тайсина Эмилия Анваровна – доктор философских наук, заведующий кафедрой теоретических основ коммуникации Казанского государственного энергетического университета, профессор кафедры философской антропологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Emily_Tajsin@inbox.ru